

КРИСТИНА РОЙ

Счастливы́й вечер

Новеллы

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 82.31:27.29
ББК 84(4Сла).44
Р65

Перевод со словацкого

Kristína Royová
«Rozprávky»

Рой К.

Р65 Счастливый вечер / Пер. со словац. В. Михайлюк. —
Корталь: «Свет на Востоке», 2006. — 96 с.: ил.
ISBN 3-935435-79-7.

В книгу вошли небольшие прозаические произведения Кристины Рой, написанные в промежутке между 1909 и 1935 годами. Занимательность сюжета удачно сочетается с поэтичностью авторского слога в новеллах «Счастливый вечер», «Когда помощи ждать неоткуда» и повести «Бродяга». Они обогащают словацкую духовную литературу и являются не только благочестивыми, но и поистине народными.

УДК 82.31:27.29
ББК 84(4Сла).44

Изд. № 01.464
ISBN 3-935435-79-7

© «Свет на Востоке», 2006

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
Счастливый вечер	7
Когда помощи ждать неоткуда	21
Бродяга	37

Предисловие

В эту книгу вошли небольшие прозаические произведения писательницы Кристины Рой. Это сказки или сказочки (которые сама автор называет и маленькими повестями) и небольшие новеллы. Все произведения написаны в промежутке между 1909 и 1935 годами.

Большую часть сказок можно отнести к так называемым народным байкам и напевам о животных. Цель этих баек или басен — направлять, учить, карать и высмеивать человеческие недостатки. Будто в зеркале, человек видит в них себя. В смерти животных (здесь птиц) он узнает свою смерть как смешную или ошибочную и в то же время поучительную. В своих небольших сказках о животных Кристина Рой показывает правильное поведение старейшин ласточек, о жизни персонифицированной Капельки и легко и ненавязчиво, но абсолютно однозначно, говорит о духовном просветлении.

Сказки эти рекомендуются детям, особенно молодежи, но и читатели старшего возраста найдут в них что-то для себя.

Литературный критик и историк Штефан Крчмери считает, что эти сказки «для больших и маленьких детей», настолько интересно сочетаются в них занятность сюжета и мастерство авторского пера.

Новеллы — или новеллки — дорисовывают литературный профиль Кристины Рой. Они обогащают скромную духовно-набожную словацкую литературу и являются не просто набожными, а народными.

Как и большинство других работ Кристины Рой, сказки и новеллы переведены на иностранные языки.

Желаем читателям удовольствия и духовной пользы при прочтении этих сказок и новелл.

Счастливы́й вечер

По зимней дороге, петляющей между невысоких холмов и плоских равнин, шел молодой человек. Мелкий предновогодний снежок, сверкающий в лучах холодного солнца, словно драгоценные камни, падал на его голову и плечи. Прилично одетый, в теплом пальто и шапке, в руке он держал матерчатую сумку, за спиной висел туго набитый рюкзак. Сидевшая на телеграфных столбах стая ворон внимательно и многозначительно смотрела на него, будто хотела поприветствовать. Парень взглянул наверх: сгущались сумерки. Перед ним открывался чудесный вид на маленькие заснеженные деревушки с белыми костелами и стройными башенками. Он остановился. Занесенные снегом сады играли в лучах солнца розовыми и синими красками. Молодой человек положил сумку на снег, снял шапку, помял ее в руках, склонил покрытую густыми воло-

сами голову и кратко помолился. Потом он стал всматриваться вдаль, пытаясь получше разглядеть первую деревушку. Пытливый озабоченный взгляд сменился выражением тоскливого безмолвного вопроса на лице, как будто он ждал ответа от этого прекрасного мира. Ответа, от которого для него зависело очень многое. Почти все.

— Здорово, приятель, — услышал он за своей спиной.

Он оглянулся. Еще один путешественник, давно уже шедший следом, сумел, наконец, догнать его.

— На что это ты так смотришь? — спросил тот.

— Добрый день, — ответил молодой человек. — Не подскажите, как называется эта деревушка?

— Теперь она называется так же, как когда-то называли наши отцы. Я имею в виду до того, как венгры переименовали ее, — Длинная. Ей и правда подходит это название, — рассказал словоохотливый собеседник.

— Надеюсь, у вас в деревне теперь другие порядки? Верно, жизнь стала лучше?

— Кому как, приятель, кому как, — покачал головой путешественник. — Порядков новых

много. Какие-то лучше, какие-то хуже. Бог дал нам свободу, и мы Ему за это благодарны. Но люди на той войне словно с ума посходили. Раз уж другие на нас теперь не нападают, то мы сами друг друга со света изводим.

— Да, жаль, — грустно сказал парень, и голос его еле заметно дрогнул. — А вы не знаете, семья Костельных жива?

— Костельных? — переспросил собеседник. — Отец и мать живы. Да и младший сын с ними. Только Янко Костельный с войны еще не вернулся. Признаться, в деревне все уже давно считают, что он погиб, только его жена и слышать об этом не хочет. Десять лет прошло с тех пор, как он в плен попал, но она все еще ждет его.

Глаза молодого человека загорелись, как два уголька.

— И замуж не вышла, как другие?

— Маришка Костельная не такая, как другие. Если она раньше этого не сделала, когда дети были маленькими и свекор со свекровью уговаривали ее выйти замуж, то теперь, когда она уже десять лет живет со своими родителями, — и по-прежнему. А ведь многие просили ее руки, — сказал путешественник, — да и неудивительно. Такая

красивая, верная и порядочная жена. Но как только перешла она в новую веру, так и оставили ее в покое.

— В какую новую веру? — вопросительно уставился в лицо собеседнику парень.

— Да понимаешь, — медленно сказал тот, — во время войны, когда людям совсем плохо было, многие начали искать помощи у Бога. Взывали к Нему, вернулись к Слову Божьему, к молитвам. В этом не было ничего плохого, я и сам не раз присоединялся к этим молитвам. Но когда они возлюбили Слово Божье, стали каяться в своих грехах. И с тех пор, как приняли Слово Божье, начали жить лучше, а другим это не понравилось. Они сердились и посмеивались над тем, что их односельчане перешли в какую-то новую веру. Из-за этих насмешек многие перестали приходить на собрания. Но Маришка Костельная была среди тех, кто остался. Много с ней старики намучались, ведь в основном из-за этого она от них ушла. Вернулась к своим родителям. А потом все стали собираться в ее доме. Ну, приятель, — неожиданно добавил он, — тут у нас пути расходятся — мне надо в Грязевку, а тебе в Длинную. Так что с Богом. Хотя мне было бы интересно узнать, почему ты спрашивал о Костельных.

— Я несу им весть о Яне, — сказал мужчина.

— Не может быть! Послушай, я тебя очень прошу, если у тебя плохие новости, не рассказывайте об этом Маришке сегодня. Ведь сегодня Щедрый вечер¹.

— Не бойтесь, я не хочу ее огорчать. И спасибо вам за все, что вы мне рассказали.

Спустя несколько секунд старший мужчина уже шел к другой деревушке, а младший поднял сумку и стал спускаться с холма к своей деревушке. Он остановился у небольшого углового дома. Когда скрипнула, открываясь, калитка, мужчина услышал ленивое рычание, а через мгновение появился старый седой пес.

— Трезор, ты еще жив?! — удивленно вскрикнул пришедший.

Пес зашевелил ушами, подбежал, обнюхал мужчину, а потом завыл, хрипло залаял и начал прыгать и лизать ему руки.

На этот шум открылась кухонная дверь, и появившийся десятилетний мальчик минуту с любопытством смотрел на незнакомца, а потом обернулся и закричал:

— Мама, мамочка, там Трезор встречает какого-то пана, а тот с ним разговаривает, как будто давно его знает. Идите посмотрите!

Красивая, еще молодая женщина выпустила из рук совок, которым ворошила уголь в печи, и поднялась. Стало видно, как похож на нее мальчик. Она выглянула на улицу.

— Янко! О мой Янко! — разнесся по двору ликующий крик, и молодая крестьянка уже летела в раскрытые объятия мужа.

— Маришка, моя Маришка!

Что грехи людские разлучили на годы, то воля Господня вновь соединила. Кто может описать счастье встречи после стольких лет?!

— Ты пришел, пришел, не зря я тебя так долго ждала, — все время повторяла она.

— Я пришел, ты дождалась. Слава Богу, — шептал он, обнимая ее.

— О, Янко, страшно подумать, что я могла дать себя уговорить! Нет, это было невозможно. Не могла я представить рядом с собой другого мужа.

— Я верил в твою верность, Маришка. Господь спас меня и вопреки всему помог тебе свою верность сохранить.

— Посмотри, как вырос твой сын! Андрейка, подойди сюда, это наш папа вернулся.

Обнимая одной рукой мужа, другой счастливая жена притянула к нему застеснявшегося мальчика. Все вместе они пошли в дом.

— Андрейка, беги позови Иленку, только не говори никому, зачем я ее зову, — сказала мать сыну. — И не говори, кто к нам пришел.

— Правильно, Маришка, я буду рад видеть всех, но потом. А сейчас надо преклонить колени перед Богом. Узнал я, что ты к Нему за помощью обращалась. И я искал Его. И нашел. Тот, чей День рождения мы будем сегодня праздновать, стал моим Спасителем. И твоим тоже?

Муж потянул жену за руку, приглашая встать рядом с собой на колени, потому что она уже громко начала благодарить Того, Которого они оба любили. Но едва успели они сказать самое главное, как в доме уже была куча народу. Молодая хозяйка вынуждена была бежать к печи готовить еду. К счастью, у нее ничего не сгорело. Свекор и свекровь уже обнимали зятя. За ними прибежали его мать и отец, брат и невестка, а раньше всех — его маленькая дочурка. И всем было интересно услышать его рассказ о том, как он добрался домой. Он пообещал обо всем рассказать после ужина.

— Мамочка, вы уж перестаньте сердиться на меня за то, что не я послушала ваших уговоров и дождалась Янка, — прильнула невестка к свекрови, а та обняла ее в ответ.

— Пусть воздастся тебе за это во сто крат, — ответила пожилая женщина. — Что бы он, несчастный, делал, если бы нашел тебя замужем?!

И прямо в Щедрый вечер начал Янко свою историю. Женщины быстро убрали посуду и остатки еды и уселись вокруг стола. И в доме стало так тихо, что было слышно, как жужжит муха. Только голос молодого мужчины раздавался в нем — то важно, то грустно, то серьезно. Потому что рассказывал он о том, как попал в плен, когда отступила австро-венгерская армия. Давайте и мы послушаем его рассказ.

Янко рассказывал о том, как он ужасно скучал по дому. Как три года провел в плену и трижды пытался бежать, но безуспешно.

На третий раз он потерял надежду и испугался, что так и останется навсегда в этой чужой земле. Он предпочитал умереть. До смерти уставший, оборванный, без единой монетки в кармане, он лежал в снегу на мерзлой земле. Снег валил так густо, что грозил совсем завалить мужчину, и тогда ему пришел бы конец. Во сне он замерз бы насмерть.

Ян все-таки уснул. Он не знал, сколько проспал, но когда очнулся, обнаружил, что лежит в тепле. Все его тело невыносимо жгло. Он об-

морозился. Оказалось, что какой-то ссыльный, живущий в тех местах уже лет двадцать, нашел его и спас от смерти. А потом нежно, как мать за ребенком, ухаживал за Яном на протяжении всей его болезни. В те долгие зимние ночи, которые он проводил между болезненным бредом и явью, добрый старец рассказывал ему о своей тяжелой судьбе. Они вместе читали Евангелие. Старик пел старческим, но чистым голосом красивые святые песни и учил этим песням своего гостя. О, как любил старик Иисуса! Сын Божий был для него всем на свете. Ради Него он был готов терпеть любые муки. Согласился бы еще трижды пережить те тяготы, которые уже пережил.

Когда всем его товарищам разрешили вернуться домой после ссылки, он тоже мог вернуться вместе с ними, но не захотел. «Там, дома, — говорил старик, — у меня уже никого не было. А с Господом и ради Господа я мог жить где угодно. Он найдет меня и здесь, когда придет».

Так он и остался. Навещал иногда старых изгнанников и политических заключенных, которые тоже не вернулись домой. Нес им Слово Божье, читал Евангелие, и не одного из них привел ко Христу.

— Как и меня, — вздохнул рассказчик. — Когда я выздоровел, — продолжал он, — старик слег. И я смог отплатить ему за его добро. Не только за то, что он сделал для меня, но и за то, что сделал для всех нас. Я ухаживал за ним до конца. Он умер у меня на руках смертью праведника. Умирая, старик положил руку мне на голову и благословил меня. Он завещал мне все свое имущество — Библию, шубу, которую кто-то подарил ему много лет назад, ветхую одежду и пять рублей. С этим «добром» я и убежал еще раз. Но на этот раз я уже шел не сам по себе, а как дитя Божье, ведомое Им, так что побег мой удался. Один Бог знает, как тяжел был мой путь. Несколько месяцев я продирался сквозь тайгу, пока не добрался до моря, а там отыскал большой американский корабль. Капитан, добрый человек, согласился выслушать меня. Услышав, что я кузнец, он взял меня на место одного из матросов, которого вынужден был оставить на суше из-за болезни. Я уверен, никто из знакомых, кроме Трезора, не узнал бы меня тогда: заросший, оборванный, одичавший, почти не похожий на человека... Если бы не милость Божья, капитан меня не взял бы. Корабль стоял в порту еще два дня. За это вре-

мя я помылся, подстригся, побрился, постирал последнюю оставшуюся у меня одежду. И когда я предстал перед капитаном чистым, он меня не узнал. А у него в каюте как раз сидели два пана, один из которых знал русский язык. Пришлось мне еще раз вкратце поведать им свою историю и пообещать, что расскажу ее целиком, когда мы выйдем в море. Надо сказать, они потом позаботились об этом. Позвали меня в уютную кают-компанию, тот пан переводил, а я рассказывал все с самого начала: как ушел на войну двенадцать лет назад и вот уже десять лет не видел жену и детей, как с большим трудом добираться домой... И что Бог помог мне перенести все испытания, которые выпали на мою долю, и поможет добраться домой. Рассказывал им о том святом Божьем человеке, чьи лохмотья прикрывали теперь мое тело. Многие слушатели плакали, и все пожимали мне руку. На следующий день мне подарили целый чемодан одежды и белья, и еще не раз за время путешествия мне пришлось повторить свою историю о том, как я сбежал из плена. Мне давали самую хорошую еду, нашли хорошую работу и положили приличную плату, а когда корабль пристал к берегу, капитан передал мне подарки путешественников

для меня и семьи. Так вот я добрался до дома. И Господь наш Иисус Христос, Который всегда был рядом в это тяжелое время, пришел со мной. Он позаботился и том, чтобы я не вернулся нищим. Я здоров телом и душой, и у меня есть немного денег, чтобы заняться ремеслом. А вас, дорогие мои, Он сберег от смерти, помог выжить. И сохранил мою жену и детей, чтобы они дождались меня и остались верными мне. А еще позаботился о том, чтобы моя Маришка узнала Его любовь, чтобы мы вместе с ней могли начать новую жизнь. И это самое главное. Давайте поблагодарим Его, а потом я раздаю подарки, которые передали для вас добрые люди, — ведь сегодня Щедрый вечер.

Гости поблагодарили Господа, многие не могли сдерживать слез. Потом Янко Костельный открыл свою большую сумку и стал раздавать подарки, а люди радовались от всего сердца.

— Тебе, Маришка, я ничего не принес, кроме самого себя, — оправдываясь, сказал он.

— Ох, Янко, — обняла его жена, — этого мне хватит на всю жизнь.

Воспользовавшись тем, что старики и дети радовались подаркам, муж и жена вышли на улицу, под праздничное звездное небо. На то самое

место, где они разлучились двенадцать лет назад, где молодая женщина в слезах прощалась со своим любимым. Сейчас здесь стояли два счастливых человека. Сердца их были полны любовью, и они знали, что даже смерть не сможет разлучить их, ведь стали они детьми вечности и познали Бога.

Когда помощи ждать неоткуда

Унаследовал крестьянин Петрович от отца прекрасное, хорошо налаженное хозяйство. Пригожий, как на картинке, домик, полные амбары зерна, хлев со скотиной, сады и луга — один близко к дому, а другой сад чуть подальше.

Одно только нехорошо — этим богатым наследством ему нужно было поделиться с двумя сестрами. И вот сел он и задумался: «Надо бы дать каждой по корове и по земельному наделу. Но не хочется мне отдавать луга и скотину, лучше я расплачусь с ними деньгами. Сестрам все равно слишком далеко ходить, чтобы эту землю обрабатывать, а мне нужно отцовское хозяйство целиком. Правда, сосед хотел купить как раз такой лужок, как у меня, да и за скотину он хорошо заплатил бы. Но что скажут люди? Мол, не успел старик глаза закрыть, как молодой уже добро рас-

продает? Возьму лучше ссуду, отдам сестрам деньги, зато детям моим все хозяйство останется».

Рассказал он об этом жене, и ей понравилось, что она станет хозяйкой такой большой усадьбы и наследства. Поддержала она мужа в его планах.

— Возьми ссуду в банке, — сказала она, — они с радостью дадут под залог такого прекрасного хозяйства.

— А что, если они всем расскажут о ссуде? Лучше пойду к Арону. Отец не раз одалживал у него деньги, выплачивал — и все было хорошо.

— Но люди говорят, что еврей — обманщик. Оставит он нас ни с чем...

— Дураков можно и облапошить, — ответил на это Петрович, — только не меня. Я не позволю так с собой поступить.

Пошел Петрович к кабатчику Арону Грюну. Тот, конечно, одолжил денег и никому об этом не рассказал. Отдал крестьянин сестрам деньги. Но те подняли крик и даже подали иск в суд, поскольку их мужья не пришли в восторг от такого раздела имущества. Не так нужны были им деньги, как чудесный отцовский сад. Арон предложил Петровичу в адвокаты своего родственника, и Петровичи дело выиграли. Не достался сест-

рам сад, о котором они мечтали, а кроме того, пришлось им выплачивать судебные издержки. Рассердились они на брата и затаили обиду. Потом поругались со свояченицей, и стали делать друг другу всякие пакости.

Петровича это немало угнетало: получалось, что его правота обошлась ему в сто крон. А уж о том, сколько времени было убито на суд, он даже думать не хотел. Кроме того, он всегда был спокойным человеком и еще никогда ни с кем не ругался, а теперь только этим и занимался. День за днем жена жаловалась ему на то, что говорили ей золовки. День за днем выслушивал он сплетни и слухи, которые распространяли односельчане.

Несколько раз Петрович встречал на улице мужей своих сестер. Теперь свояки даже не здоровались. Раньше они обычно перебрасывались парой-тройкой слов, говорили о делах, женах, детях. Они были давними друзьями. Именно Петрович познакомил их со своими сестрами, а потом уговорил отца дать благословение на брак. Они и в армии служили вместе, а младший свояк Лацко всегда помогал Петровичу. А сейчас — столько злобы из-за раздела земли! Не раз ему казалось, что лучше будет пойти к сестрам да и отдать им эту землю. Однажды он даже по-

пытался, но сестры гордо уперлись — нет, мол, тебе даже суд все присудил.

Так проходил месяц за месяцем. Петрови-ча начало беспокоить сердце, выводили из себя постоянные жалобы жены и осуждающий шепоток соседей, которые не преминули сунуть нос в чужие дела. Опротивело ему все. И где было искать утешения и забвения, кроме как у Арона? Под хмельком легче переносились свалившиеся на его голову тяготы. Вот Петрович и пил — все больше и больше.

Отец Петрови-ча при жизни читал Библию. Сам Петрович тоже начинал читать, но вскоре дошел до страниц, которые словно осуждали его и будили чувство вины. Отложил он святую книгу, забросил на полку и больше к ней не прикасался.

Сначала он заходил к Арону только воскресными вечерами, потом стал появляться все чаще. Ему казалось, что нигде его не понимают так, как здесь.

— Зачем вы так переживаете, сосед? — приветливо спрашивала его жена Арона. — Ведь у вас прекрасное хозяйство, так надо извлекать из него пользу. Вы можете стать богатым человеком.

Петрович ей и поверил — да, права соседка! Продал семена клевера односельчанину — пусть

лучше он с клевером мается, высаживает да косит, а Петровичу не хочется. Жена ему помогать не может, ведь у нее на руках маленький ребенок, да и двое старших еще не настолько взрослые, чтобы ожидать от них помощи. Думал Петрович, что вырученными от продажи семян деньгами сможет расплатиться с Ароном, но ошибся. Они с женой уже столько должны были соседу, что даже этих денег не хватало, чтобы вернуть все долги.

Когда пришла пора осенней жатвы, Петрович оказался совершенно к ней не готов. Раньше они со свояками друг друга выручали, а теперь пришлось обращаться к собутельникам из кабака. Те работали спустя рукава, зато ели и пили за десятерых, только успевай подавать.

Жена, которой Петрович совсем не помогал, не могла справиться с хозяйством. Кроме того, начали болеть коровы. Одну из них, самую лучшую, пришлось отвести на бойню. Наевшись у реки чего-то ядовитого, передохли все гуси. Беда шла за бедой, а Петрович по-прежнему пьянствовал у Арона.

Вода не течет против течения, а хозяйство не может существовать без хозяина. За пять лет стал Петрович пьяницей и нищим. Все его хозяйство ушло под залог долга, и теперь Арон

угрожал и вовсе пустить семью Петровича по миру.

Жена, глядя на опускавшегося мужа, опускалась и сама. Он пил в кабаке с приятелями, а она дома с соседками. Вся выручка от продажи овощей уходила на водку, даже детям не всегда было чем поужинать вечером.

Однажды лежал Петрович в том самом саду, из-за которого с сестрами судился, и страдал тяжким похмельем. Он пил с субботы до воскресного утра, теперь же был полдень. Вдруг Петрович услышал, как по ком-то звонят колокола, и вспомнил, что вчера у Арона говорили, будто бы Лацко при смерти. «Это о нем звонят, — сразу подумал Петрович, — значит, все-таки умер. Так и не помирились мы, а теперь уже поздно».

Вспомнил он те времена, когда они были еще дружны и много времени проводили вместе. Посмотрел Петрович по сторонам — вдалеке виднелся его собственный дом. Но разве это был тот дом, который оставил ему отец, — красивый, как игрушка? Когда-то его дом был одним из лучших в деревне. Он был выстроен из белоснежного кирпича, над окошками красовались резные наличники, двери были дубовые, горницы — светлые. Кстати, мастер, что для окон

наличники вырезал, приговаривал, что наличники эти не простые, а особенные: как только над домом соберется беда, узор сразу потемнеет... Петрович вздрогнул. Он поднял глаза на окна. Пыльные и грязные, они плакали тягучими смоляными слезами. Густые капли стекали по стеклу и падали на заросшие сорняком цветочные клумбы. Клумбы! Сплошь увитые колючками и лопухом, поросшие высокой травой, сквозь которую едва виднелись нежные настурции, флоксы и ромашки. Покосившийся палисадник почти упал на кусты душистого горошка. Облупленные стены, дырявая крыша, грязный двор. Забор поломан, сады в запустении. В таком же запустении и хлева, и луга. Да и сам он опустился...

Посмотрел он на себя и ужаснулся — воскресенье, а он каков?! Рубашка грязная, штаны тоже, босой, волосы всклокоченные.

«Боже, что со мной случилось?» — сказал он сам себе. — Я нищий, мой дом в любую минуту может уйти на покрытие долгов. Да и все остальное тоже достанется тому, кому я должен. О, отец мой! О, моя мамочка! Если бы вы видели, что со мной произошло, каким посмешищем я стал! И всего этого не случилось бы, если бы не пожадничал и не оставил себе все хозяйство. За-

чем я судился с родственниками? Мы могли бы и сейчас быть друзьями, помогать друг другу. Я не ходил бы в этот несчастный каба́к, не влез бы в долги. Ах, если бы я никогда не брал в рот этот дьявольский напиток! Но теперь уже все потеряно. А он, Лацко, умер и пожалуется на меня Богу, потому что я с ним не помирился. — Так испугался Петрович от этих мыслей, что на лбу у него выступил холодный пот. — Ах, нет, это невозможно, чтобы свояк умер, надо пойти посмотреть, самому убедиться».

Вскочил он и побежал через гумно к дому младшей сестры. Первое, что он услышал, был плач. Это показалось ему плохим знаком, подтверждавшим самые худшие подозрения. Петрович перескочил через забор и вбежал в дом.

— Лацко, прости меня, не уходи во гнев, прости, — сокрушенно воскликнул Петрович.

— Ты зачем пришел? — грозно окликнула его сестра. — Будешь терзать его перед смертью? Уходи лучше. Если напился, иди кричи туда, где пил.

— Не сердись, Ева, я не пьян, — сказал Петрович.

— Оставь его, — попросил жену больной, открыв глаза. Он с трудом поднял руку и протянул ее свояку.

— Лацко, — снова сказал Петрович, — ты меня простишь?

— Я прощаю тебя, да и ты меня прости, Павел. Не было у нас причин так ссориться. У тебя уже ничего не осталось, и я ничего не могу взять с собой. Прогневили мы Бога, оба прогневили, потому и остались ни с чем.

— Да, прогневали, — плача, подтвердил Петрович, присаживаясь у постели.

Увидев, что брат не пьян, сестра быстренько освободила ему место, чтобы сесть поудобнее.

— Если бы я не разозлил вас тогда, мы бы могли работать вместе, помогать друг другу. А так я остался один, мне не на кого было положиться, и вот результат — что теперь осталось у меня и моих детей? Ничего, мы нищие. Если бы вы тогда приняли то, что я пытался вам отдать, все могло бы быть по-другому. Какая у нас могла бы быть жизнь...

— Могла, Павел, но давай мы теперь все простим друг другу. И ты, Ева, помирись с Павлом. Ты ведь тоже когда-нибудь умрешь. Меня гнев изглодал. Я очень рад, что ты пришел, хорошо, что я тебя позвал.

— Ты меня? — удивился Петрович, глядя на сестру. — Я сам пришел, когда услышал звон.

— Я посылала за тобой, — ответила та, — но ты был пьян.

— О, — взмолился Петрович, — прости меня.

Сестра протянула ему руку. Никто не смог сдержать слез. В большой комнате, полной людей, не осталось ни одного человека, у которого были бы сухие глаза.

Но неожиданно люди начали расступаться. «Доктор... Доктор идет...» — слышались голоса.

Врач быстренько навел порядок: выставил из комнаты всех, кроме родных, осмотрел больного.

— Не плачьте, — сказал наконец доктор. — Сейчас я назначу лечение, и ему обязательно станет легче. Он выкарабкается.

И врач не ошибся: вскоре Лацко пошел на поправку. Через пару дней он уже встал на ноги, а вскоре болезнь совсем отступила. За это время Петрович помирился со своими сестрами и уговорил их забрать тот сад, который стал яблоком раздора.

— Если придется мне все продать, так хоть сад вам останется, — сказал Петрович.

Он перестал ходить к Арону, но избавиться от выпивки совсем все еще не мог. Петрович

предпочел бы остаться без еды, только не без выпивки.

Он понимал, к чему это может привести, что и сам он, и вся его родня могут пойти по миру. Сколько раз он обещал жене и детям и, главное, себе самому, что больше в рот не возьмет эту отраву, но раз за разом срывался и уже не мог остановиться. Это было настоящее рабство. Как будто его на цепь посадили и привязали к бутылке.

Ах, как же ему бывало плохо, когда, очнувшись, он начинал думать про загубленные годы. Петрович плакал дни и ночи напролет.

Он очень хотел бы все исправить, но не знал с чего начать. Люди не могли ни помочь ему ничем, ни посоветовать что-нибудь полезное. Арон требовал возврата долга и, если бы пришлось платить, то Петрович лишился бы всего, что имел.

Жена ходила удрученная. С тех пор как помирилась она со свояченицами, частенько бегала к ним жаловаться на мужа и страшно радовалась, если ей давали хоть что-нибудь для детей.

На них Петрович даже смотреть не мог — так ему было стыдно. Какое прекрасное хозяйство оставил ему отец, а что он передаст своим детям? Нищенский посох?

Он не знал, что делать. Однажды в воскресенье Петрович взял в руки Библию и начал читать. Он уже понимал, что эта книга обязательно осудит его, осознавал себя большим грешником, чувствовал, что своей жизнью он до сих пор только гневил Господа... Но когда Петрович стал читать о заблудшей овце, о блудном сыне, открылись у него глаза, и он увидел, что «не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него»² и что «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»³. И он с плачем воззвал к Нему о помощи. Петрович признал свою вину, покаялся и просил отпустить ему грехи, умолял, чтобы Иисус Христос, Сын Божий, спас его от пьянства. Просил дать силы бросить этот грех.

Да, это оказалось правдой — то, что было написано о Христе: «Он спасет людей Своих от грехов их»⁴.

В мгновение ока, как только Петрович поверил в это, отпустились ему грехи, и он стал свободен. Спало с него это проклятое пьянство, как оковы, и отвалился груз вины, будто камень.

В ту ночь он впервые за много лет по-настоящему выспался. А утром чувствовал себя, как ребенок, нашедший отца: такой покой, такая уве-

ренность его охватили, что добрый Бог поможет ему начать новую жизнь.

А поскольку Бог никогда не предаст того, кто на Него надеется, не обманул Он и Петровича. Одолжили Петровичу денег в банке, оба свояка охотно за него поручились, чтобы он выплатил долги соседу. Помогли ему свояки с сестрами и землю обработать.

Господь послал им урожайный год. Солнца было много, дожди шли обильные. Почва была такой жирной, черной и богатой, что люди плакали от умиления и говорили, что Бог услышал их молитвы и дал возможность семьям наслаждаться земным счастьем — смехом ребятишек, получавшим новые игрушки и книги благодаря заработанным от продажи урожая деньгам. Улыбками молодых, прикупивших себе к пасхальным праздникам новые сарафаны и кофты. И главное — светящимися глазами стариков, которые, просветленно глядя на небо, благодарили Господа.

Много овощей уродилось и на продажу, и для еды — и ни одной маленькой монетки не было потрачено на водку. Постепенно жизнь Петровича стала выравниваться, он начал копить деньги для того, чтобы рассчитаться с долгами.

Платить долги никогда не бывает легко, вот и Петровичу приходилось тяжело. Наплакалась жена, когда он отдал сестрам почти половину лугов и скотины, но сам Петрович был рад, что отдал им положенное. Когда сестры получили свои земельные наделы, словно тяжкий камень свалился с души Петровича.

Так продолжалось десять лет, пока он не выплатил все, что был должен. Он очень устал, однако с Божьей помощью восстановил силы и мог спокойно хозяйствовать в своей собственной усадьбе.

Теперь уже и дети ему помогали. Он вырастил их богобоязненными и с малых лет говорил им о Христе, Который сделал Петровичу такое доброе дело, — так что и они обратили свои сердца к Богу. Выросли из них достойные порядочные люди, дожил Петрович до этой радости и утешения.

Стало быть, никогда Святой Бог не обманет того, кто с плачем взывает к Нему о милости. Если грехи твои тяжкие, если не могут помочь люди — Господь поможет всегда, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»⁵.

Бродяга

В дальнем конце деревеньки Грабовой стояла ветхая избушка. Когда-то она принадлежала семье Забушковых, но последний их хозяин давно помер. Дети его разъехались по свету кто куда. В общем-то, он сам выгнал их из дома своим вечным пьянством, так что убежали они далеко, и ни один из них не появлялся в деревне. А поскольку наследники здесь не жили, избушка пустовала. Кому нужна старая развалюха?

И тут появился в деревне человек, который попросился пожить в этой избушке. Этого человека все называли дядюшкой Имрихом. Он пообещал, что будет смотреть за избушкой, подправит ее, где надо, чтобы не развалилась, — и ему разрешили. Он сразу же ставил в окна новые стекла, ведь вообще-то владел дядюшка Имрих чуть ли не любимым ремеслом. Все его знали как шлифовальщика, но на самом деле он

был часовщиком. Когда-то давно он примкнул к группе бродячих ремесленников, став третьим в их компании.

Одним из них был старый Велчко, у которого было официальное разрешение заниматься шлифовкой, второй — мужчина помладше, Грушка, который продавал также предсказания судьбы. На ярмарках его уже узнавали, как и его чудесных белых мышей, вытаскивающих каждому желающему бумажку с предсказанием. Ну а третьим стал наш дядюшка Имрих, часовщик. И поскольку они всегда ходили втроем, прозвали их люди тремя королями. Да и почему бы их так не называть? Ведь они занимались чем сами хотели, никто ими не командовал — настоящие короли. Заработав немного денег, они частенько выпивали. Голодали, когда не было заработка, но и пировали, когда выдавалась возможность. Спали обычно на сеновалах да в оврагах. Грушка иногда ночевал в маленьких гостиницах, если деньги были — очень уж он порядок любил. Не выносил никакого отклонения — если видел на огороде, например, грядки неровные — капуста торчит или морковка какая — обязательно «подравнивал». Жаль, что хозяева обычно не понимали его порывов. Не раз доставалось ему за

такие поступки, не одну порцию березовой каши пришлось отведать.

Но дружба трех королей была нерушимой. Велчко был для двух других, как отец. Уважали его. Все, что он говорил, выполняли беспрекословно. Но, как говорится, всему рано или поздно приходит конец. В одну из особенно лютых зим старей Велчко как-то сильно промерз на улице. Кабатчик, в доме которого они остановились, отправил старика в больницу. Туда же попал и часовщик Имрих.

Велчко не смог победить тяжелое воспаление легких. Но перед смертью призвал он своих друзей, чтобы дать им последнее напутствие и разделить между ними свое нехитрое имущество. Имриху досталось точило и все, что к нему прилагалось, а Грушке — всякая мелочь. Деньги Велчко отдал священнику, чтобы тот похоронил его как доброго христианина. Получив свою долю, Грушка исчез из больницы и больше не показывался, так что один только Имрих сидел у смертного одра старика.

— Имрих, — говорил Велчко, — бросай пить. Ты прекрасный ремесленник — и часовщик, и точильщик, и шлифовщик. Вот и осядь где-нибудь в деревне. Я уже слишком стар,

чтобы начинать все сначала. Но не раз, когда я бывал трезвым, сердце у меня болело от такой жизни — что мы бродяги, что никому не нужны. Я часто об этом думал. А ты еще молод. Когда Господь даст тебе выздоровление, обещаю тебе, что станешь жить с людьми, как и положено, и больше не пойдешь с Грушкой. Он от бродяжничества никогда уже не отвыкнет, да и нехороший он человек.

Имрих взял большую холодную руку старика свои руки. Когда он искренне пообещал сделать так, как просил Велчко, по его впалым щекам скатились две большие слезы.

После смерти старика Имриху какое-то время казалось, что и ему не выкарабкаться. Но молодой организм все же победил болезнь и, выйдя из больницы, Имрих, как и обещал, поселился в деревне Г. В доме, хозяева которого бродили где-то по свету. Хоть Имрих и ощущал еще небольшую слабость, все же он был здоров. А когда и пить перестал, то почувствовал себя совсем другим человеком. Теперь, вспоминая прошлую жизнь, Имрих даже стыдился. Правда, благодаря Велчко он сейчас многое умел, так что вполне мог зарабатывать себе на жизнь — кому ножи поточит, кому часы починит, кому еще что-то.

Только частенько становилось ему грустно в своем одиноком домике. И ужасно не хватало Велчко. Ведь это был первый человек, который любил Имриха, а люди, как известно, без любви жить не могут. Все льнут к тому, у кого ее находят. И не один человек, рожденный во дворце, шел за любовью в беднейшую халупу.

Прошло полгода, и Имриха никто из его бывших друзей не узнал бы. Он работал очень усердно, пока не заработал на хорошую одежду. И в избе постепенно навел порядок. У окна поставил лавку, перед ней — дубовый стол, в углу — старую кровать. Заимел постельное белье. Починив что-то соседке, получил в награду солому для матраса, еще и одеяло она дала ему. Другая соседка уезжала жить к сыну в город — так все, что не брала с собой, отдала Имриху. Даже подушку подарила. За это Имрих помог ей упаковать вещи и добраться до железной дороги. В общем, все помогли друг другу.

Так стал наш шлифовальщик деревенским жителем. Сейчас, когда он был всегда чистым и умытым, каждый мог заметить, что у него красивое задумчивое лицо и большие грустные глаза. Теперь уже никто не дразнил его. Имрих имел очень маленький рост, потому что на спине

у него был горб, который не позволил ему вырасти. Вообще-то, именно горб и был причиной таких его неправильных поступков. Собственная мать Имриха, у которой кроме него было еще четверо здоровых и красивых детей, не любила сына. Уродливый горбун, — называли его дома. И от того, что с детства приходилось ему терпеть издевательства, Имрих все больше замыкался в себе, а в душе его росли злоба и зависть. Если он делал что-то неправильно, его били, и ребенком Имрих мечтал о том, чтобы поскорее вырасти, набраться сил и отомстить своим обидчикам. И всем людям на земле. В школе, несмотря на то, что он учился хорошо, дети и учителя ненавидели его за злобность. Он успел подражаться почти со всеми, не было никого, кому он не учинил бы какую-нибудь каверзу. Так он и рос.

Когда пришло время, отец отдал его в подмастерья к сапожнику. Но Имрих там долго не задержался, а ушел учиться к часовщику. От дома ему отказали — сказали, чтоб больше на глаза не показывался. И парень так и сделал.

Работа у него спорилась. Часовщик, к которому он пошел учиться, был хорошим мастером. Многие жаловались на то, что он был злым человеком, но Имрих от него зла не видел. Мастер

видел, что мальчик прекрасно развит, и добросовестно обучал его ремеслу.

Так шло время. Не прошло и четырех лет, как Имрих стал партнером часовщика, а было тогда парню восемнадцать лет. К сожалению, другие подмастерья не разделяли любви мастера к юноше. Они дразнили Имриха, строили всяческие козни, старались очернить его в глазах мастера и, в конце концов, добились своего — часовщик отпустил парня. И с этого дня началась у Имриха бродяжническая жизнь. Он не мог никуда приткнуться, даже в армию его не взяли. А через несколько лет шатания по свету, забросив часовое мастерство, он примкнул к шлифовальщикам и стал бродяжничать с Велчком. Несмотря на то, что Имриху приходилось нищенствовать, все-таки он был не один, Велчко давал ему ощущение чего-то родного. Пока и эта страница его жизни не закончилась.

Теперь же, когда жизнь стала понемногу налаживаться, Имриха мучили только одиночество и щемящая пустота в душе. И когда по ночам он не слышал ничего, кроме собственного дыхания, ему становилось грустно, очень грустно...

Однажды, принеся заказчику наточенные ножи, Имрих встретил разгневанную хозяйку.

А сердилась она из-за того, что пес сожрал всю картошку, приготовленную для поросят. И самое обидное, что пес был даже не их, а какой-то приبلудный. Пришел откуда-то зимой, она его и пожалела. Любо́й бы пожалел оставить на таком морозе несчастное животное. По весне она стала его прогонять, но пес постоянно возвращался и каждый раз тащил все, что ему попадалось. Провинившаяся собака шевелила ушами, виляла коротеньким хвостиком и смотрела на хозяйку, будто соображая, чего от нее можно ожидать. Бродяга! Именно это слово вонзилось в мозг Имриха, как иголка. Это было знакомое слово — слово, которое сопровождало его не один год.

— Не сердитесь, хозяйка, — сказал он, — дайте мне кусок хлеба, чтобы я мог приманить собаку, и я отведу ее к себе. Деревня наша довольно далеко, оттуда не вернется.

Женщина с радостью согласилась. Накормила Имриха и собаку, чтобы те не шли голодными, и долго смотрела в окно, как они покидают деревню. И Имрих привел пса к себе. Когда Заграй свернулся калачиком у его ног, Имрих стал разговаривать с ним, как будто пес мог его понять. «Видишь, Заграюшка, совсем ты один на этом свете. И я один. Давай будем жить вместе».

И зажили они вместе. Собака и человек прекрасно поняли друг друга. Когда было что поесть, ели, когда приходилось голодать — голодали. Заграй слушался хозяина и делал все, что ему говорили. Животное чувствовало, что человек полюбил его, а человек понимал, что бессловесная тварь привязалась к нему всей душой. Теперь было кому встречать Имриха с работы. Вот было радости, гавканья и прыганья вокруг хозяина! Пес не знал, куда деваться от переполнявших его чувств. И одинокое сердце, которое, казалось, давно превратилось в камень, начало согреваться и оживать. Хотя это было не совсем то, чего так не хватало Имриху в детстве и юности, все-таки жажда была утолена хотя бы отчасти.

Осенью пришлось как-то Имриху точить лесорубам пилы и топоры. Мужчины позвали его в горы, туда, где работали, и расплатились с ним не деньгами, а дровами. Пригнали ему по реке бревна, выгрузили на берег, а уж оттуда он потихоньку перетащил их домой. Одному из дровосеков Имрих починил часы. А тот оказался еще и каменщиком и справил Имриху печку, так что, когда пришла зима, оба обитателя избушки наслаждались жизнью, сидя в тепле.

Постепенно люди стали доверять Имриху хорошую работу, так что теперь ходить за ней в дальние деревни ему не приходилось — к нему обращались сами. Однажды ему принесли в починку старинные часы, завернутые в какой-то журнал. Имрих расправил листы, радуясь, что сможет почитать что-то. Последнее, что он читал, были гороскопы Грушки и изрядно потрепаный молитвенник Велчко. А в журнале упоминалось о Господе Боге и Его Сыне, так что Имриху казалось, будто он прикоснулся к чему-то святому. Имрих читал о распятии Сына Божьего, о Его муках и горевал. Узнал он, что вместе с Сыном Божьим умирали два разбойника — один справа, другой слева от Него, — а Иисус умирал невинным. Имриху казалось, что это про него пишут в том журнале, — его ведь тоже не любили, гнали, не доверяли. И еще ему казалось, что это его, а не тех двух злодеев распинают на кресте. Дальше в том журнале было написано о святом, добром и справедливом Боге, и о том, что Иисус пошел на смерть за людские грехи. Имрих не мог оторваться от чтения, жаль только, работа его отвлекала. Он с нетерпением ждал воскресенья, чтобы посвятить чтению целый день. И дождался. Сначала его занятие про-

двигалось очень медленно, он читал по слогам и долго задумывался над прочитанным.

Под конец Имрих загрузил. Он не нашел в журнале конца истории. Не узнал, что было дальше и что значили слова Иисуса «ныне же будешь со Мною в раю»⁶.

Сидел он грустный, сложив перед собой страницы журнала и не услышал даже лая Загряя и того, что кто-то принялся отряхивать снег на пороге.

— Извините, что помешал вам читать, — раздался чей-то голос, — но мне еще очень далеко идти, а я замерз. Увидел, что у вас печка топится, и решил зайти погреться. Разрешите?

— Грейтесь, конечно. Снимайте пальто и калоши, у нас тут тепло, — отозвался Имрих.

Через минуту неожиданный гость уже сидел за столом. Он вытащил бутылку вина и кусок белого хлеба, и они перекусили вместе с Имрихом. А еще он дал Имриху немного кофе. Покормили и Загряя. Посмотрел гость на часы, на журнал и покачал головой:

— Тот, кто завернул эти часы в христианский журнал, видимо, не очень уважал его.

— Ах, пан, — вздохнул Имрих, — а я благодарю его за это. Ведь иначе я бы никогда не про-

ЕВАМ
МОАНА

МО ТАК
СМЕРТЬ

МИЛОСТЬ ЕГО
ВЕЛКА.

БЕРА В КТО

читал обо все этих удивительных вещах. Только грущу, что нет тут конца истории. И я никогда не узнаю, чем там все закончилось.

— Не надо грустить, этому горю можно помочь, — сказал гость, вытаскивая из кармана листок бумаги, — есть тут у вас почта?

— Есть.

— А как ваша фамилия?

— Имрих Каменар.

Гость записал и посмотрел на хозяина.

— Когда доберусь до города, я вышлю вам все прошлогодние журналы, так что вы сможете их прочитать, раз вам так нравится.

— Но ведь это дорого, а у меня нет денег.

— Журнал стоит двенадцать крон в год. Не волнуйтесь, я заплачу за вас.

Если бы Имриху кто-то сказал, что его ждет такое счастье, он бы ни за что не поверил. Он и сейчас не слишком верил, но надеялся, что веселый молодой человек не обманет его, что ему нет никакого интереса делать из Имриха дурака. И не ошибся. Через пару дней пришла на его имя посылка с журналами, так что Имрих мог теперь дочитать историю до конца. Ах, как он обрадовался!

За работу Имриху почти никогда не платили деньгами — не было их у людей. Зато хозяйки давали ему картошку, капусту, бульон и много другой еды. Имриху не приходилось тратить время на приготовление пищи, так что каждую свободную минуту он уделял чтению.

Спустя несколько дней Имрих отнес хозяину, пану Н., починенные часы и рассказал ему, как рад он тому, что к нему в руки попал этот журнал. Хозяин смутился.

— Знаете, Имрих, я вообще-то не поступил бы так с журналом, это моя жена завернула в него часы.

— Я очень рад, что так получилось, — ответил Имрих, — мне только жаль, что нет у меня Священного Писания и не могу я прочитать о том, о чем упоминалось в журнале.

— Ах, вы знаете, у нас в доме достаточно книг, и раз вы так хотите эту книгу, я вам ее подарю. Только извините, все книги уже достаточно потрепаны.

Никогда еще Имрих не чувствовал себя таким богатым. В тот же вечер он сел за Святую Библию. В своих журналах он нашел указания о том, как правильно читать Слово Божие, и теперь

наслаждался. Он знал, что эта книга — книга Самого Бога, и читать ее надо с великим уважением.

«Боже мой, — говорил Имрих, — разве мог я, несчастный, когда-нибудь подумать о том, что Ты будешь разговаривать со мной со страниц Своей книги? Исцели меня, Боже! Я читал, что Ты исцеляешь не только физическую слепоту, но и душевную, так избавь меня от нее, прошу Тебя! Ты подарил мне эту святую книгу, и теперь я узнаю все о Твоем Сыне, умершем на кресте. Может быть, Ты научишь меня, избавишь от грехов и заберешь к Себе в рай».

Когда закончилась зима и начал таять снег, всяческие болезни навалились на людей и на скот. Имриха звали то туда, то сюда на помощь, так что он даже дома не ночевал. Правда, он хорошо заработал, но на душе у него было тяжело. Ведь в этих заботах он не успевал читать Библию. Утешало только то, что воскресенье он по-прежнему полностью посвящал чтению. Он чувствовал, что не может жить без Святого Слова так же, как и без пищи. Но в декабре ему пришел последний номер, и Имрих очень грустил, что на следующий год останется без журнала: он не знал, как можно заплатить за следующий год.

Он истово молился, чтобы Бог дал ему совет, и Бог ответил ему, хотя и по-своему.

Возвращаясь как-то с ярмарки, Имрих заболел. И так его скрутило, что он даже с постели встать не мог. Редко бывая дома, он не топил избу, а когда затопил, чуть не задохнулся от дыма. Голова трещала от боли. Хорошо хоть дома нашлись кусок хлеба и вода, так что ему не пришлось голодать. Ни одна живая душа не пришла его проведать, соседям даже в голову не пришло, что он может быть дома. Так и лежал он один, и очень ему было тяжело. Даже Загряя не было — Имрих выгнал собаку на улицу. Он даже всплакнул о своей несчастной судьбе, что нет у него никого на всем белом свете.

Немного придя в себя, Имрих снова принялся читать Библию. Сначала он очень жалел Сына Божьего, что Ему пришлось лютой смертью умирать на кресте, а потом понял, что Он ради любви к грешному человеку принес Себя в жертву, чтобы люди избавились от страданий. И с тех пор Имриху стало лучше: понял он, что Бог всегда пребывает с ним. В такие минуты душа возвращается к Богу, в то место, где ей положено быть.

Даже во снах грезил Имрих о Святом Духе, о всемогущем Господе. Проснувшись, он вдруг

вспомнил, что должен был отнести в Э. три пары овечьих ножниц, а пану Н. — нож для овощей. Он вскочил с постели. Голова была легкой, болезнь отступила. Имрих быстро оделся и вдруг почувствовал сильный голод. Через минуту печка была растоплена, в котелке плескалась вода. Нашел он дома кусок старого сыра, сало, луковицу, тмин — и принялся есть. В двери заскребся Заграй — видно лежал он у порога и, услышав в избе шаги, стал проситься внутрь. Впустил его хозяин, поделился едой.

«Подожди Заграй, — говорил Имрих псу, — сейчас огонь догорит, я надену пальто, и пойдем мы с тобой в Э. Там мы попросим пани Н. написать письмо, чтобы подписаться на журнал. Сам Иисус подсказал мне это, иначе я об этом и не подумал бы».

На улице стоял прекрасный день — светлый и сияющий. Солнышко ласково светило вслед двум путникам, а Имрих, хотя и был слабым после болезни, шел так, будто впереди его ждало счастье. Словно солнышко вело его к новой жизни.

Пана и пани Н. Имрих нашел в добром здравии. Приняв от него нож, пан Н. сам заговорил с ним о журнале. Он написал письмо и заплатил за Имриха, чтобы тот мог получать журнал. А ког-

да супруги услышали, что Имрих болел, два дня не отпускали его домой. Пани Н. следила за тем, чтобы гостя хорошо кормили, а пан отдал ему кое-что из своей одежды и обуви. За это Имрих починил им кухонные часы и будильник. Пани Н. перечитала первый номер журнала и рассказала, что выписала его и себе, а еще попросила, чтобы ей прислали все прошлогодние номера.

— Знаете, — сказала вдруг пани Н., — недавно я встретила одного человека, который был главным управляющим у графа К. Его все называют дедушка Орлик. Очень мне этот старик понравился. Он так любит и знает Библию, как никто из нас. После того, как граф разорился, у старика осталась только маленькая избушка. Больше я ничего о нем не знаю.

Имрих пообещал, что обязательно зайдет в С. и порасспрашивает о дедушке Орлике. На том и распрощались.

День был очень красивый. За ночь намело снега, и теперь вокруг все блестело, как в чудесном зимнем царстве. Под ногами поскрипывал снежок, когда Имрих вместе с Заграем весело шагал в С.

Чтобы попасть туда, нужно было перебраться через реку. Зимой она замерзала, так что

можно было просто перейти по льду, но у заброшенной на зиму будки перевозчика сидел благообразный седобородый старик в овечьем козле, а рядом с ним лежали небольшой узелок и суковатая палка. «Это он», — почему-то сразу решил Имрих и поздоровался со стариком.

— Вам не холодно, дедушка? — спросил он, подходя ближе.

— Нет, сынок, — улыбнулся тот, — я тут недолго сижу и скоро уже пойду. Я жду сани. Сосед мой поехал на тот берег муку забрать, но, слава Богу, скоро вернется. А сам ты куда идешь?

— В С., дедушка, — ответил Имрих.

— Ты можешь поехать с нами, я скажу Томашу, чтобы взял тебя. Так ты быстрее до деревни доберешься.

Не прошло и четверти часа, как оба они уже сидели в санях, и добрые кони несли их в С.

— Что привело тебя сюда? — спросил старик.

— Я ищу одного человека, — ответил Имрих. — Люди зовут его дедушкой Орликом.

— Знаешь, — усмехнулся старец, — а ведь это меня так называют. Это меня зовут Орликом.

— Значит, я не ошибся, — улыбнулся Имрих. — Как только я вас увидел, сразу подумал, что вы и есть тот, кого я ищу.

— Я, — кивнул старец, — только представить себе не могу, чем бы я мог тебе пригодиться. Но мы уже приехали, вон моя избушка. Заходи, сынок, расскажешь, с чем пришел.

Сани остановились. Имрих помог выгрузить с них муку и занести в избушку. Хотел он заплатить Томашу, но тот только рассмеялся. А старик позвал его войти в свою избушку, которая, хоть и была крохотной, но вся лучилась светом, теплом и порядком. Половину избушки занимала кухня с печью, а в другой располагалась комната с лавкой, столом и цветами на стенах. Все здесь было очень красивым, но самой чудесной казалась девушка, освещенная солнышком и пламенем из печи, которая радостно кинулась навстречу дедушке. Девушка была старше, чем можно было подумать сначала: она выглядела моложе из-за своей исключительной стройности. С лица, словно нарисованного искусным художником, смотрели глаза — такие чистые и наивные, будто они никогда не видели никакого зла.

— У нас гость, Катюшка, — ласково сказал старик, — подай нам обед, пожалуйста, мы очень проголодались.

— Берите тарелки, дедушка, — отозвалась девушка, — а я налью бульон.

И вдруг сердце Имриха охватила жалость — увидел он, что девушка сильно припадает на левую ногу. «Она хромает, несчастная, — подумал парень, — у нее, как и у меня, физический недостаток. Но при этом она так счастливо улыбается».

Когда в то прекрасное зимнее утро Имрих радостно вышел из дому, он не знал, что пройдут недели, прежде чем он снова увидит свою избушку. Ничего не знал он и том, что ему придется вскоре пережить. Он шел в С. искать дедушку Орлика и нашел в нем друга, в котором так нуждался. Он сразу же увидел, что пани Н. была права — Орлик был знатоком Библии. Он все знал об этой святой книге и все в ней понимал! Имрих просто не мог наслушаться.

Попросил его дедушка рассказать о себе, и Имриху пришлось поведать свою историю.

Его мать, будучи евангелисткой, учила дочерей всему, что знала сама. Отец был католиком,

но с детьми совсем не занимался. Имрих мог надеяться только на свою память, потому что мать не давала ему в руки книг — мол, они не для него. Деревенька у них была маленькая, костела в ней не было, так что детям приходилось посещать евангелическую школу. На службу ходили в соседнюю деревню, но отец туда детей не брал и одних не пускал.

Катюшка слушала историю, стараясь не пропустить ни слова. А он рассказывал, как стал бродягой без роду и племени. Вспоминая свои несчастья, Имрих тайком утирал слезы. Заметив это, Катюшка вышла из комнаты, а когда вернулась, и у нее глаза были заплаканными. А Имрих уже рассказывал о том, как попал к нему журнал, как получил он книгу, как полюбил Бога всем сердцем...

К великой радости Орлика, Катюшка взяла книгу и стала читать вслух — читала она хорошо, складывать по слогам ей не приходилось. Девушка прочла о рождении Сына Божьего в Вифлееме; о великой любви, которую Отец Небесный даровал людям; о радости небесных ангелов; о пастухах, первыми пришедших благословить Младенца. И так это все Орлику нравилось!

Когда Имрих увидел, что солнце уже клонится к западу, засобирался он домой.

— Ну куда ты пойдешь, сынок? — начал уговаривать его дедушка. — Скоро совсем стемнеет, дома тебя все равно никто не ждет, а у нас достаточно места. Оставайся, переночуй. Я всегда мечтал о ком-то, кто знал бы Слово Божье. Частенько я ощущал себя таким одиноким... Когда Катюшка читала нам сегодня, мое сердце так радовалось. Чувствовал я, что Сын Божий меня не оставит. Не уходи, сынок, мы еще о многом должны поговорить.

И Имрих остался. Как он думал, только на одну ночь.

Проснувшись, он помог переделать все домашние дела и все не мог надивиться на то, до чего красива эта бедная избушка. Еще никогда не видел он такого порядка. Когда он похвалил избушку, старик усмехнулся:

— Когда у человека мало места, ему без порядка не обойтись. Нужда научит. Когда-то у нас была только одна комната и кухня, но Бог наслал болезнь на мою несчастную жену, и я перестроил избу — ведь моей жене нужна была отдельная комната. Я переделал чердак в маленькую узенькую комнатушку, в которую по-

местились две кровати, маленький столик и два стульчика — все это дала нам графиня. Она приходила проведать нас и очень радовалась, что у моей Борки будет хорошее местечко. Графиня любила мою жену еще с тех пор, как мы у нее служили. Она была доброй женщиной, и я не раз разговаривал с ней о Боге. Графиня давно уже ушла к Господу, и я верю, что Он забрал ее в Небесное Царство.

Имриху показалось невозможным спать в этой комнатке, но по всему выходило, что поселить его хотят именно там. Катюшка не могла спать наверху — ей было трудно ходить по лестнице. Девушка вставала раньше дедушки, и, когда он спускался вниз, завтрак был уже готов. Но от тяжелой работы он ее оберегал, хотя она и так много всего делала — готовила, убирала, стирала и даже шила. Дедушка у нее всегда был чистый и опрятный.

В ту ночь Имрих и Орлик долго не спали.

— Знаешь, сынок, — рассказывал Орлик, — я ведь тоже родился в нищете. С той только разницей, что у нас многое переменялось к лучшему после смерти дедушки. Тот был несчастный пьяницей — не только семью чуть по миру не пустил, но и сам погиб по-глупому.

Ехали они как-то с моим отцом на телеге через реку, а лед был слабым, так дед и утонул вместе с лошадьми. Не смог выбраться, потому что пьян был. Мой отец, которому удалось спастись, поклялся после этого и капли спиртного в рот не брать. И, слава Богу, сдержал слово. Так и началась у нас другая жизнь. Взрослые работали, дети им помогали, и постепенно мы стали выбираться из нищеты.

Отец мой читал Библию и, что понимал, — то старался исполнять. И нас к тому же приучил. Кто от Бога не отступится, того Бог не оставит.

С детства я только и слышал о том, какой я умный мальчик. Нельзя о таком при ребенке говорить. А тут еще и сам учитель заявил, что я могу за год выучить то, что другие осваивают по три года, что ум у меня ясный и потенциал огромный. И одолжил он мне книжку о географии и животных.

Но хотя и узнал я из этих книг много интересного, моей любимой книгой оставалась Библия. А люди даже перед господами упоминали о моем уме, и закончилось это тем, что граф взял меня на службу. Поставил он меня на псарню. Собаки меня любили, чувствовали, что и я их люблю. Тогда многие говорили по-венгерски, пришлось и

мне учиться. Я очень хорошо помнил, как старый учитель говорил мне: «У тебя прекрасная память, ты быстро выучишься. Но не подражай дворне, слушай, как говорят господа. А лучше всего слушай тех словаков, кто с венграм знаетса. Те говорят правильно». Послушался я учителя. И стал старый граф меня выделять.

Когда мой отец умер, брат служил в армии. Мать овдовела, и графу удалось сделать так, чтобы меня не забрали в армию. Пришел я тогда домой и принялся хозяйствовать. Мать советовала мне привести в дом помощницу. На самом деле у меня уже была на примете девушка — еще с тех пор как мы вместе в школу ходили: она в первый, а я в четвертый класс. Не раз я говорил, что, когда мы вырастем, по милости Божьей эта девушка будет моей. И такую добрую и верную жену, как моя Борка, только Бог мог дать.

Через некоторое время после нашей свадьбы вышла замуж моя сестра, и они с мужем поселились у нас. Они всерьез думали о том, чтобы уехать в Америку, где жил дядя моего шурина. Граф был рад тому, что я не буду ухаживать за матерью, ведь он хотел поставить меня чабаном. Когда я вспоминаю те четыре года, мне кажется, что тогда я знал только счастье. В конце второго

года послал нам Бог сыночка. Такой он был хороший, красивый и здоровенький, что мы на него наглядеться не могли. Уже и говорить начинал, и ходить пытался, но как пошли у него зубки резаться, появилась какая-то инфекция, и мой маленький Андрейка умер у нас на руках. До сих пор стоит у меня перед глазами мой сыночек и его страдания. Понял я, что это было испытание, посланное Богом за то, что жили мы на земле как в раю и Господа забыли. Слово Божие не читали, ведь было нам всегда некогда. А какие планы я строил в отношении сына! Как вырастет он, как выучится... Если бы все это удалось, — кто знает, какой никчемный человек мог бы из него получиться без Бога в душе. Но теперь он Божий навеки.

В конце концов сестра с мужем все-таки уехали в Америку, зато вернулся из армии мой брат и мог остаться с матерью. Тогда графиня забрала нас с женой в Венгрию. Граф поставил меня вторым чабаном своей большой отары, а Борку графиня взяла на кухню, чтобы та научилась делать все, что нужно. Так мы прожили шестнадцать лет.

Жизнь была разной — и хорошей, и не слишком. Борка моя, хотя ей и исполнилось уже трид-

цать, была такой красивой, что многие пытались ее совратить. И не только слуги, но и графские гости. Мне она об этом не говорила, а просто молча терпела. Через два года родилась у нас доченька, и боль после смерти Андрейки стала понемногу утихать. Поняли мы, что Бог больше не гневается на нас, и очень нас это радовало. Назвали мы дочку Елизаветой. Графиня настаивала, чтобы мы звали ее Беткой на словацкий манер, но мы звали ее Эржикой. Маленькая Эржика была хорошим здоровеньким ребенком и никогда не отказывалась слушать Слово Божье.

Когда нашей девочке исполнилось три года, графиня переехала на большой хутор и взяла к себе Борку. Для нас это были лучшие годы. У нас была работа, нам хорошо платили, так что мы даже отложить смогли. А мой брат на эти деньги купил нам луг и сад.

За те годы я был дома всего один раз. Сумел уговорить мать переехать к нам, но она даже полгода не продержалась. Скучала по дому, грустила и, в конце концов, уехала. Не хотела умирать на чужбине.

Графу в наследство от родителей достался большой замок. Но, к сожалению, довольно скоро он проиграл его в карты — очень уж игру

любил, никак не мог удержаться. И три его сына, когда выросли, тоже к игре пристрастились — у них еще молоко на губах не обсохло, а они уже в карты резались. Моя Борка знала, сколько слез из-за этого графиня выплакала.

Второй замок принадлежал графине, там она родилась. Это тоже было хорошее хозяйство с тремя большими кошарами. Графиня часто посылала туда то, что хотела спрятать от родных, боялась, что могут проиграть все.

Когда родилась Эржика, графиня стала покупать и дарить ей всякие одежки. Но когда дочке исполнилось три года, Борка стала одевать ее как принято в Словакии. Когда графиня впервые увидела девочку одетой так, я немного испугался, что она рассердится, но та наоборот обрадовалась и похвалила Борку. Сказала, что это хорошо — пусть девочка знает свое место. Мол, если будут одевать ее по-господски, то крестьянин к ней потом не посватается, а если бы приглянулась девочка кому-то знатному, то, узнав, что она крестьянского рода, тоже не стал бы свататься.

Графиня была хорошей женщиной, только очень несчастной в супружестве. Не раз мы с Боркой жалели ее. Граф тоже был хорошим че-

ловеком, но слишком мягким и легко попадал под дурное влияние. Все обкрадывали его, и ничего поделаться с этим было невозможно.

Эржике было двенадцать лет, когда мы переехали в усадьбу графини. Девочка росла очень красивой и, когда пришло время ей выйти замуж, мы приняли того, кого она полюбила. Ее избранник был хорошим парнем, многие завидовали Эржике из-за того, что Ферко Малатинский отдал ей свое сердце. Ферко был старшим сыном богатого плотника. Стыдно признаться, но я тогда не послушал возражений Борки — мне льстило, что такой красивый и богатый парень любит нашу Эржику. А жена считала, что Эржика слишком нежная для такого большого хозяйства. И еще Борка говорила, что хотя семья жениха и зажиточная, но не чтят они Библию, а Эржика была воспитана на Слове Божьем. Сейчас, уже состарившись, я могу признать, что всему виной была моя гордыня.

Но не только гордыня. Когда Эржика посмотрела на меня своими чудесными глазами и попросила, чтобы я благословил ее брак с Ферко, я не смог отказать. Я думал, что хорошо понимал свою дочь. Мы сыграли свадьбу и стали наслаждаться счастьем своей дочери. Но недол-

го, ведь вскоре пришлось нам возвращаться в замок графа. Мы уезжали спокойными и счастливыми. Но как только мы приехали, у наших панов начались неприятности, и длились они не один год. За все это время мы ни разу не смогли съездить к дочери, мы были вынуждены неотлучно находиться при хозяевах. На второй год прослышали мы, что Эржика заболела. До этого она нам часто писала, и письма всегда были хорошими. А через несколько месяцев мы получили письмо, что Эржика родила ребеночка, но и мать, и дитя очень больны. Так и не дожили мы до хороших новостей. Через полгода Эржика умерла, а мы так и не встретились с ней и даже на похороны не смогли приехать. Нам написали, что ребеночек очень слабенький, что у него какая-то английская болезнь — слабые кости. Сколько просили мы нашего Господа забрать к себе маленькую сиротку, потому что боялись, что в том огромном хозяйстве она будет только обузой. Каждую неделю графиня обещала Борке, что отпустит ее поехать к внучке, но прошли месяцы, прежде чем это произошло.

Борка привезла ребенка к нам. Девочке было два годика, но она была очень маленькой и худенькой — кожа да кости. Ножки кривые, а

личико такое напуганное, будто ребенок боялся всего на свете. Только спустя некоторое время узнали мы, что произошло на самом деле.

Борка оказалась права: не прижилась Эржика в том большом хозяйстве. Она много работала, за всеми ухаживала и перетрудилась. Ей-то ведь никто не помогал. И вот как-то полезла она на сеновал укладывать сено, не удержалась на лестнице и упала. Нашли ее лишь спустя несколько часов. И навредила Эржика и себе, и будущему ребенку. Неудивительно, что не смогла она выносить здоровое дитя. А у крестьян так заведено: пока человек здоров и делает свое дело, его любят и хвалят, но стоит ему заболеть — все на него злятся. А за Эржикой нужно было ухаживать. На это ни у кого не нашлось времени.

И если бы не свекровь, которая сама уже была слишком слаба, чтобы работать, Эржика с малышкой вообще могли бы умереть с голоду. Но тяжелее всего было то, что муж совершенно не интересовался больной женой, а на несчастное дитя даже смотреть не хотел. На малышку только кричали, она всем мешала. И девочка это понимала. А я, когда видел ее заплаканные глазки, знал, что во всем этом есть и моя вина. Казалось, эти глазки спрашивали: «Дедушка, зачем я родилась?»

Графиня, хотя и болела сама, сделала все возможное, чтобы помочь нашей девочке, даже своего доктора к ней посылала. И что-то врач делал с ребенком, пытался лечить. Правую ножку вылечить удалось, а вот левая осталась короче другой.

Когда мы вернулись в родные горы, они словно помогли нашей девочке. Катюшка полностью выздоровела. Потому она и плакала, услышав твой рассказ. Очень уж на ее историю похоже.

Но мы заболтались, давай-ка поспим. Будет у нас еще время поговорить.

— Я не хочу спать, — ответил Имрих. — Мне бы хотелось знать, что было дальше.

— Конечно, сынок, я много еще могу рассказать, — ответил старик. — Но даст Бог — в другой раз. Давай поспим, а то скоро уже надо будет вставать.

Но мужчины не встали, когда пришло время, потому что рассвет так и не наступил. Правда, они этого не заметили — оба крепко спали.

— Дедушка, — донесся до Орлика сквозь сон голос Катюшки, — что случилось? Почему вы не встаете, ведь уже восемь часов!

— Как восемь часов? — удивился Орлик. — Быть такого не может, на улице совсем темно.

— Нас занесло снегом, — ответила Катюшка, — всю ночь мела метель.

Они вскочили на ноги и увидели, что девушка права. О том, чтобы Имриху ехать домой, не могло быть и речи — нужно было помочь разгрести снег.

Соседи рассказали им, что ночью была страшная вьюга, а Имрих и Орлик за разговорами даже не слышали завываний ветра.

До самого полудня мужчины дружно вызволяли избушку из снежного плена, а к обеду Орлик получил вести: в горах такие заносы, что невозможно добраться до овец. Орлик, хотя и не служил уже графу, все еще следил за овцами; кроме того, в общем стаде паслись несколько его собственных овечек. Пришлось старику немедленно собираться в путь. Он с благодарностью принял предложение Имриха отправиться с ним и помочь, чем сможет.

А потом случилось еще что-то и еще что-то, и Имрих застрял у Орлика на несколько недель.

Проходя как-то по деревне, Имрих услышал, как молодая женщина, удивленно посмотрев на него, сказала своей знакомой:

— Что это за горбун у нас тут бегаёт? Наверное, какой-то бродяга.

— Что вы, — ответила собеседница, — это порядочный человек, он живет у дедушки Орлика. И, слава Богу, что он здесь оказался.

— У дедушки Орлика? — переспросила женщина. — Ну, тогда верю, что порядочный. Но откуда он вообще взялся?

— Не знаю, где Орлик с ним познакомился, знаю только, что этот человек здорово нам помог. Он очень хороший точи́льщик. Вы же знаете, что Ян умер, так что этого парня Сам Бог нам послал.

Женщины продолжали разговаривать, не обратив внимания на то, что Имрих слышал их беседу. Правда, только первую ее фразу. И ему стало грустно. Он знал, что принадлежит Богу, что Сын Божий, Иисус, любит его. Но люди не могли смириться с его физическим недостатком.

Весь тот вечер Имрих был мрачнее тучи. Засыпая, он решил, что завтра же покинет деревню и вернется домой. Но утром понял, что не может этого сделать: он уже успел набрать заказов, и работы у него оставалось еще на два дня.

Утром Катюшка вздохнула с облегчением, увидев, что Имрих повеселел, а Орлик решил, что парень просто выспался и теперь чувствует себя хорошо.

В этот день Имрих работал в графской усадьбе. К полудню он уже закончил точить ножи и вместе с управляющим пошел посмотреть сломанные часы. За несколько часов он починил в поместье все, что только можно было, и теперь часы били так, как будто пели счастливую песню. Управляющий остался очень доволен.

— Знаете, — сказал он Имриху, когда они вышли во двор усадьбы, — я долго не мог решиться рассказать вам одну историю, но все-таки хочу сделать это.

Когда я был студентом, у меня был друг. Как и вы, он был горбат, и у него было такое же красивое лицо, как у вас. Вы мне его очень напоминаете. Он сильно страдал из-за своей внешности: был нелюдим и прятался от людей. Но ума у него было за десятерых, так что стал он адвокатом. Когда мы были на войне и сидели в окопах, ему не пришлось разделить нашу участь, так что быстро обогнал нас в науке. Вернувшись с фронта, я был рад получить хоть какое-то место, в то время как его дело уже процветало.

Я понимаю, что горбатые люди завидуют тем, у кого нет увечий, но мой приятель женился на такой красивой женщине, что никому из нас и не снилась. И вы знаете, счастье научило его улы-

баться, да и жена выбирает ему такую одежду, что его горб совсем не заметен. Собственно, это все, что я хотел вам рассказать. Все может измениться, милый Имрих. Вы не знаете, кто такой Лев Толстой? Так я вам расскажу. Этот человек учил, что все люди мира — названные братья и что мы должны помогать друг другу. Вы вот, например, из Библии узнали про Иисуса, так вот я тоже хотел когда-то творить добро, как и Иисус и как Лев Толстой. Конечно, мне это не по силам, но если могу сделать хоть что-нибудь хорошее, я всегда этому радуюсь.

Кто бы мог подумать, что придется Имриху разговаривать с таким ученым паном?! И что тот поймет Имриха, и разговаривать они будут, как два брата.

Услышав рассказ вернувшегося домой гостя, Орлик улыбнулся.

— Надо же, какие разные люди есть у нашего Господа! Я уже целый год знаком с этим управляющим. Я всегда считал его порядочным человеком, но и представления не имел, что он служил в армии и даже был на войне.

Увидев обоих мужчин такими довольными, Катюшка очень обрадовалась. Кроме того, Имрих принес ей в подарок много разных вещей. Но

самому ему в ту ночь не спалось: во-первых, от радости, а во-вторых, очень хотелось дослушать историю дедушки Орлика. И когда узнал он, что случилось с графом и графиней, он получил ответ на все свои вопросы.

Дедушка рассказал, что граф вынужден был продать усадьбу, чтобы расплатиться за карточные долги. Но выплатил он только половину. Началась война, за время которой он потерял все свои деньги и вынужден был продать даже имущество — все из-за тех же долгов. Осталось у него только то, что принадлежало жене, да и то лишь треть. Граф обнищал. Два его сына погибли на войне, третий пропал без вести. А дочь вышла замуж за немецкого барона, которого убили чуть ли не в первом бою, и так за ним убивалась, что вскоре умерла. К счастью, графиня до всего этого не дожилась. Дедушка Орлик радовался только, что при жизни она чтит Слово Божье и дочь учила тому же. Обе они теперь лежали на кладбище.

Он сам, дедушка Орлик, уже не служил графу, а просто помогал по старой памяти, а за это для него держали пару овечек.

На следующий день управляющий подарил Имриху много одежды. Портной все перешил, и,

облачившись, Имрих просто себя не узнал. Горба совсем не было видно.

— Вот, — приговаривал портной, поправляя на Имрихе пиджак, — теперь вам не нужно будет никому завидовать.

— Да я и не завидовал, — возразил тот. — Бог меня таким создал, а Он знает, что делает. Просто мне было грустно.

— Конечно, грустно, — согласился портной. — Но теперь у вас нет надобности грустить.

Приехал граф, и Орлик, вернувшись из имения, рассказал, что тот стал совсем седым и согбенным от прожитых лет. Но он очень порадовался часам.

— Он уже как ребенок, — рассказывал Орлик, — говорит всякие глупости. Жаль, что друзья у него были лишь тогда, когда он был богат, а сейчас все его бросили. Поверь, сынок, лучше всю жизнь прожить в бедности, чем быть богатым, а потом умереть нищим.

— Я тоже так думаю, — ответил Имрих. — Когда я был в замке, я все вспоминал ваши рассказы — что это крохотная часть того, что у него было раньше — и мне казалось, я бы не выдержал такой беды.

Как оказалось, Имриха уже давно искал урядник. Один из хозяев той избушки, где жил точильщик, написал письмо, что возвращается на родину. Значит, Имриху нужно было покинуть избушку. Выгонять его не хотели, обещали подыскать другой дом, но Имрих знал, что свободных домов нет, а жить с кем-то еще он не желал.

Теперь, когда Имрих познал Слово Божье, он чувствовал себя заново родившимся человеком. С ним случилось именно то, о чем Иисус говорил когда-то Никодиму. Но ведь человек должен есть, чтобы жить. Имрих не знал, что ему делать.

— Это Бог так рассудил, — сказал точильщику Орлик, — раз тебе негде больше жить в той деревне, оставайся у нас. За жилье и еду будешь помогать нам по дому. А то, что заработаешь, станешь понемногу откладывать, чтобы, если захочешь уйти, у тебя было хоть что-то для начала. Ты, главное, приходи, а там посмотрим, что да как.

Не мог Имрих отказаться от такого предложения. Но ему очень хотелось отблагодарить дедушку Орлика за его доброту. Однако Имрих решил, что если будет мешать, то к осени уйдет,

а Иисус утешит дедушку с внучкой, коли его уход их расстроит.

Несмотря ни на что, ему было тяжело расставаться со своей деревней, к которой он уже успел привыкнуть. Люди относились к нему хорошо, и сама мысль, что он может хоть немного побыть дома, радовала его. Однако зайти в дом ему не удалось, ключ был у старосты.

Да, хотя Имрих жил в бедности и одиночестве, ему было жаль покидать деревню.

А в это время Катюшка сидела у окна и размышляла о подарке Имриха и о том, как она будет перешивать ему одежду. Ее радовала мысль, что у Имриха, наконец, появится теплая одежда. Дедушка говорил, будто точильщик хотел уйти, но вышло так, что теперь, наоборот, останется у них жить. Катюшка радовалась таким новостям. «Нужно постараться, чтобы ему было хорошо у нас, ведь все равно ему больше некуда идти, он один на свете», — думала она.

Пообещав людям, что будет помогать им, если понадобится, Имрих с тяжелым сердцем покинул свою деревню. За него радовались — ведь за несколько недель он заработал в деревне Орлика столько, сколько не заработал за всю жизнь в

своей. Но Имрих грустил. Правда, придя к Орлику, он забыл о грусти. У него было такое чувство, будто он вернулся домой.

К тому времени граф уже уехал, но дал управляющему приказ привести дом в полный порядок к его возвращению на лето. Граф раздумывал над тем, чтобы продать усадьбу. Так что от дедушки Орлика и от управляющего Имрих сразу узнал, что для него есть работа на целые месяцы вперед — забор чинить, дом в порядок приводить.

— Мне нужен человек, на которого я мог бы положиться, — говорил управляющий, — ведь это большая ответственность.

— А почему вы взяли ее на себя, пан управляющий? — спросил Имрих.

— Потому что я действительно хочу привести усадьбу в порядок.

Жизнь шла своим чередом и, как обычно, нельзя было предугадать, что ждет тебя завтра. Но у Имриха пока все ладилось.

Иногда он по нескольку раз на дню приходил к дедушке Орлику, а иногда пропадал на несколько дней. Ему выделили комнату в усадьбе, чтобы не нужно было далеко ходить на работу. А работы было невпроворот. Немало ценных вещей еще осталось в поместье, многие плохо

сохранились, и нужно было быть очень внимательным, чтобы ничего не испортить.

Но колесо жизни все катилось и катилось вперед. Прошла зима, и природа запела:

*Приходит весна —
веселая розовощекая девушка,
приходит весна-красна.
Оживайте, луга и деревья,
вставайте, люди,
выходите из домов —
приходит весна-красна!
Смотрите, она снова идет по свету
в своем пестром сарафане!
Взмахнет рукавом —
и воздух наполнится пением птиц,
растаят снега и льды,
разольется теплый солнечный свет...*

Зацвели нежные гиацинты и разноцветные тюльпаны, выглянули фиалки из-под травы. Весна вступила в свои права.

Катюшке казалось, что никогда еще их парк не выглядел так красиво. Ей очень хотелось гулять, но было тяжело ходить подолгу. Увидев ее однажды бледной и уставшей, управляющий вы-

звал своего сапожника, чтобы тот снял мерку с ее ноги, и отправил в Братиславу заказ на ортопедическую обувь — к великой радости дедушки Орлика. И Катюшке сделали туфли отдельно для каждой ноги: одна туфля была обычной, а вторая — на более высокой подошве, так что теперь девушка могла не хромать. А то, что туфли были разными, почти не было заметно.

Случилось так, что дедушке Орлику опять пришлось работать. И, как всегда, Катюшка приходила его проведать. Уже три года дедушку нужно было возить на работу, поскольку у него болела левая нога. Так что каждое утро за ним посылали небольшой возок, который развозил молоко.

Как-то они с управляющим подводили итоги недельной работы. Результаты были прекрасными, и Орлик от души радовался этому.

— Видите, пан управляющий, — говорил он, — хорошее начало — это прекрасно, но хороший конец — еще лучше. Молю Бога, чтобы у нашего графа все закончилось благополучно.

— Посмотрим, — ответил управляющий, — мы делаем все, что от нас зависит.

— Пойду я, — сказал старик. — Обещал Катюшке, что долго не задержусь, она собира-

лась приготовить на ужин что-то вкусное. Приходите к нам в гости.

— Ох, не говорите мне об этом, а то у меня уже слюнки текут, — засмеялся управляющий. — Спасибо, обязательно приду. Только задержитесь на минутку, дедушка Орлик, хочу вам кое-что сказать. Вы знаете, что Имрих хочет уйти от вас?

— Уже? — покачал головой старик. — Знаю, что он хотел раньше, но думал, что мне удалось уговорить его этого не делать. Я надеялся, что мы стали для него семьей, так что он выбросил это из головы. Жаль.

— А вы не знаете, дедушка Орлик, почему наш бродяга — как он себя называет — не может жить в вашем доме?

— Разве ему плохо у нас живется? Разве мы его притесняем? О чем это вы, пан управляющий?

— Эх, дедушка, дедушка... Ключница рассказывала мне, как хорошо вы жили со своей женой. Так неужели вы не видите, что творится на сердце у этого несчастного? Он даже не может скрыть свою любовь к вашей Катюшке, поэтому и хочет уйти. Сказать-то он о своих чувствах боится. Может, по сравнению с другими вы, де-

душка, и плохо живете, но по сравнению с ним вы богач. А он все вспоминает, как пришел к вам с пустыми руками. Так откуда у бедного парня взяться смелости, чтобы заговорить о столь деликатном вопросе? Да и боится, что люди станут говорить — мол, отдал дедушка Орлик внучку за какого-то горбатого бродягу. Так что парень готов на край света сбежать... А ведь он хороший человек. Ну, что бы вы ему ответили, начни он такой разговор?

Старик подпер подбородок рукой и с доброй улыбкой посмотрел на управляющего.

— Знаете, пан, — ответил он, — сию минуту я ничего не могу сказать. Прежде чем говорить со мной, он должен спросить Катюшку, согласна ли она. А уж потом и со мной поговорить можно. Прошу вас, пан управляющий, раз уж он вам доверился, передайте ему, что говорили со мной, а я велел сначала с Катюшкой поговорить. Мне неважно, что будут сплетничать люди, я никогда не разлучу любящие сердца. Я радовался, что жених Эржика богат, и что же? Эржика в гробу, а Катюшка больна. Я отдал свою дочь тому, кто был недостоин ее, несмотря на все свое богатство. А на Имриха можно положиться, он как скала. Если бы мне пришлось выбирать между

точильщиком и кем-то, кто был бы похож на ее отца, я отдал бы предпочтение Имриху. Бог даст, справимся.

— Хорошо, дедушка, я передам ему все, что вы сказали.

И мужчины разошлись.

Освещенная утренними лучами солнца, Катюшка встречала рассвет на скамейке в парке. Над ее головой проплывали пушистые облака, вокруг зеленели горы, неподалеку шумел водопад. Ах, как тут было красиво! Но самой красивой в этом чудесном уголке была девушка. Тоненькая, нарядно одетая, с большими зелеными глазами на иконописном лице, она всматривалась вдаль, словно ожидая кого-то увидеть. И дождалась — вскоре из дальних кустов сначала показались сначала уши, а потом сивая голова Заграя. Вслед за псом на тропинку вышел и его хозяин.

— Вы уже тут, Катюшка? Доброе утро, — поздоровался Имрих.

— Доброе утро, — ответила девушка. — Я здесь, но все же вы успели встать намного раньше. Вам ведь далеко сюда идти, присядьте, отдохните. — Она убрала с лавки Библию. — Зачем вы так торопились?

— Во-первых, чтобы вы меня не ждали, — ответил Имрих, — а во-вторых, мне нужно еще успеть в церковь. Но перед тем как идти туда, я хочу кое-что сказать вам. И от вашего ответа, Катюшка, зависит очень многое.

— Только не говорите, что хотите нас покинуть.

— Я не могу сказать «хочу», потому что это было бы неправдой. Я уйду только в том случае, если буду вынужден сделать это.

Катюшка посмотрела на точильщика.

— Даже не могу представить, почему бы вы могли захотеть покинуть нас, — сказала она. — Ведь ни я, ни бабушка не сделали вам ничего плохого.

— Нет, Катюшка, — ответил Имрих, вы действительно не сделали мне ничего плохого. И именно поэтому я должен сказать вам правду, как перед Богом. Посмотрите вокруг, Катюшка. Все Божьи творения создают пары. Пташки вьют гнезда, у зверюшек есть пара. И у человека тоже должна быть пара... Я хочу сказать вам, Катюшка, что люблю вас. Вы знаете, что с детства меня никто не любил. Ребенком я горевал об этом, но со временем мое сердце превратилось в камень. Встретив вас, я принял вас, как сестру.

Но вы мне вовсе не сестра, Катюшка, и долго я так не выдержу... Я давно хотел сказать вам о своих чувствах, но не находил в себе смелости. Кто я? Нищий горбатый бродяга, а вы похожи на прекрасный лесной цветок. Но нынче я решился. Так скажите же, смею ли я надеяться, что вы сможете увидеть во мне не только брата? Что не постыдитесь пойти со мной к алтарю? Скажите мне правду, я должен знать!

Имрих стоял перед девушкой, прижав руки к груди и жадно вглядываясь в ее лицо.

— И вы захотите, чтобы я потом ушла с вами, — тихо спросила Катюшка, — и бросила дедушку? Нет, я не могу.

— О нет! Если ты меня не стыдишься и готова выйти за меня замуж, я бы просил дедушку, чтобы он принял меня как сына.

— Тогда спросите у него. Если он меня отдаст, я пойду за вас. Только не понимаю зачем — я же инвалид. Мы читали Библию, там написано, что жена должна помогать мужу, а какая от меня может быть помощь? У меня нет сил, чтобы работать, я могу делать только самую простую работу.

— Но ведь я и не прошу другого! — воскликнул Имрих. — Я на руках тебя носить буду

до самой смерти, Катюшка! У любви сто глаз и сто рук. Так что, могу я просить у дедушки твоей руки?

— Нет нужды ни о чем просить, — раздался за ними голос Орлика, который как раз направлялся к имению графа и услышал последнюю часть их беседы. — Давайте помолимся, дети мои. Прочтите из Библии, а после поговорим.

Когда люди узнали обо всем (а они должны были узнать, ведь эти Адам и Ева жили в своем раю не одни), все стали готовиться к свадьбе. Конечно, много было и сплетен — мол, отдал Орлик внучку какому-то нищему горбуну. Но сплетни прекратились, когда приехал в свое имение граф, да и не один. Вернулся с войны его сын, считавшийся пропавшим без вести, а вместе с ним приехала жена и двое кудрявеньких детишек. Жена его была русской графиней, которая во время революции сбежала с родителями в Японию. Им так понравилась усадьба, что теперь и речи быть не могло о том, чтобы продать ее. Ну, и кто бы при таких обстоятельствах вспомнил о старом Орлике и его внучке?

Свадьба была маленькой и тихой, справили ее прямо у Орлика в избушке.

А потом жизнь потекла по-прежнему, будто ничего и не случилось. Когда родня разошлась, и в домике из гостей остался только управляющий, он обратился к Имриху:

— Пан Имрих, — я больше не хочу слышать из ваших уст слово «бродяга»: та часть вашей жизни навсегда осталась в прошлом. Теперь вы сын и муж. И не зря наша поговорка говорит: «Муж да жена — душа одна».

(1935)

Примечания

¹ Щедрый вечер — один из святочных вечеров накануне Нового года. В этот день накрывают обильный праздничный стол, а переодетая в карнавальные костюмы молодежь ходит от дома к дому и желает хозяевам всяческих благ и достатка.

² Ин. 3:17.

³ Мф. 18:11.

⁴ Мф. 1:21.

⁵ Ин. 3:16.

⁶ Лк. 23:43.

Кристина Рой
СЧАСТЛИВЫЙ ВЕЧЕР

Редактор — И. Воробьева
Переводчик — В. Михайлюк
Корректор — Ю. Селезнева
Художник — О. Заякина
Компьютерная верстка — А. Кодак

Уважаемые читатели!

В издательстве

«Свет на Востоке» работает отдел
«КНИГА — ПОЧТОЙ»

- Заказы можно оформить по телефону, письменно или на нашем сайте www.lio.ru. На сайте же можно увидеть обложки книг и познакомиться с аннотациями.
- На заказы свыше 300 руб. предоставляется 5-процентная скидка.

Получить подробную информацию о работе отдела «Книга — почтой», а также заказать прайс-лист с аннотациями вы можете по адресу:

ХМ «Свет на Востоке»

а/я 201, г. Санкт-Петербург, 190020

Тел./факс: (812) 747-2548

E-mail: post@lio.ru

<http://www.lio.ru>

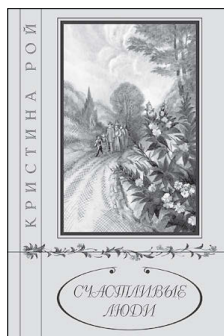
Будем рады выполнить ваши заказы!

Издательство
«СВЕТ НА ВОСТОКЕ»
представляет

Кристина Рой

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ

Жизнь молодого кузнеца Дубравского и его жены наполнена ежедневным трудом, заботой о близких и радостью познания Бога. Они по-настоящему счастливы. А вот у обитателей замка, пана Рудогорского и его жены, напротив, есть достаток, безмятежный досуг, но счастливой эту пару назвать нельзя. Однажды к семьям приходят тяжелые испытания. О том, как каждая из них сумела пройти через темную полосу в своей жизни и рассказывается в этой повести.

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Читайте в серии
«Ее любимый роман:
рождение любви»

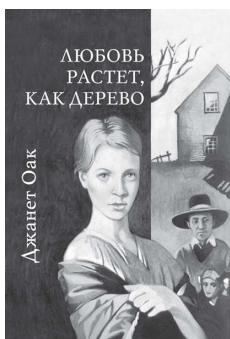

КНИГА ПЕРВАЯ

Джанет Оак

ЛЮБОВЬ РАСТЕТ, КАК ДЕРЕВО

Впервые увидев свет в 1979 году в США, роман сразу же полюбился читателям и с тех пор пользовался у них неизменным успехом. Его действие разворачивается на западных землях Северной Америки, осваиваемых переселенцами в 1800-е годы.

Юная Марти отправляется на Запад вслед за мечтой любимого мужа о новом доме для своей семьи и участке плодородной земли. Однако их планам не суждено было исполниться...

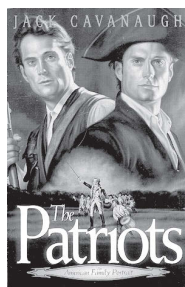
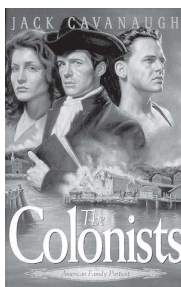
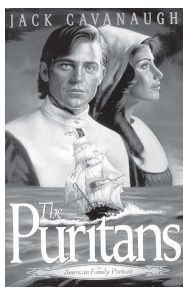
Это потрясающая история о потерях и обретениях; об умении преодолевать жизненные трудности и искусстве строить отношения с людьми; о неизбывном стремлении человеческого сердца к любви и о том, сколь разным может быть это чувство.

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

В серии «Его любимый роман»
выходят исторические романы
современного американского
писателя Джека Кавано «Пуритане»,
«Колонисты» и «Патриоты».

Это приключенческие романы,
в которых представлена
история духовного становления
американской нации.

Это рассказ о сильных духом
и мужественных людях, которые
привыкли побеждать, несмотря на
враждебные обстоятельства.

Это прекрасный язык,
живые характеры и богатый
неожиданными поворотами
сюжет...